

Ленин
Ю.В.

...я КОНФЕРЕНЦИЯ КОМАНЧЕК ВЫСШИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

10 декабря 1921 года.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Т. ТРОЦКОГО.

71
СЕКРЕТАРИАТ Р.В.С.Р.
1921. 12.10
в.л. № 177

Товарище, мне поставили в записках вопрос и первый из говорящих товарищей это устно отметил, что надо дать ответ на вопрос о том, как быть с нашим флотом, какая перед ним предостоят судьба в ближайший период, какова должна быть его структура, причем выступавший здесь тов. Посушко указав на то, что флот за последние года, за годы советской власти, тронувшись распадался и в-ной этого распада является враждебный нам командный состав. Я думаю, что в своем об'явлении совершенно правильно установленного факта тов.Посушко абсолютно неправ. Выходит так, что, дескать, для армии наши надежный командный состав и надежного командующего, поэтому армия укрепилась, а для флота нам не повезло, не наша такого человека и флот поэтому распадается.

Ничего подобного. Об'явление в корне неправильно. Может быть тов.Посушко сказал больше, чем хотел, или меньше, чем хотел, но я слышал это от многих моряков, что их предаст Покоморси и на судах происходит развал. Это в корне неправильно. Вся обстановка для развития армии и флота у нас была за эти годы другая. Почему мы не погибли. Такой вопрос мы можем себе поставить. Каким образом нам удалось не погибнуть в военном отношении. Рабочий класс стоял у нас в феврале 18 года в военном отношении "гол, как сокол". Старая армия распалась, а новой еще не было, а врагов сколько угодно. И мы не погибли. Почему? Потому что у нас огромные пространства, потому что Россия есть страна необ'ятных пространств. Я как то говорил недавно с одним с одним немецким офицером, который, когда разговаривал с Николаем II, и он говорит, что Николай II человек не Бог знает какой умный, но он сказал, что Россия есть не государство, а континент. Я сказал немецкому офицеру, что вероятно Николай не сам выдумал, а считал где-нибудь, но и это хорошо для него. /Омск/. Россия не столько государство, а континент. материк. Только потому мы могли отступать, отходить на огромнейшие пространства и только потому, что каждая армия европейская, которая собиралась нас разгромить, стояла перед задачей оккупации необ'ятной страны. И мы получили возможность, благодаря этим пространствам, исходя из Московского центра, строить армию. Эта армия развернула маневренную стратегию. Причем некоторые товарищи неправильно объясняют это в характером революции. Маневренная стратегия есть результат двух величин - терри-

78

1. 25

и численности армии. Там, где территория огромная и где по отношению к
армия незначительная, там только возможна маневренная стратегия. Из того,
что Россия есть не государство, а континент, Советская власть могла держать
Венгрия пала, разбегаясь. А если бы в конце 17 года были в Бельгии, или
Венгрии, то у нас не было бы маневренной стратегии и не было бы субъекта для
маневренной стратегии. А в отношении флота мы были в положении Бельгии, т.е.
положении "хуже, чем губернаторское". У нас не было водного континента, на
втором мы могли бы строить флот и вести операции. Против нас стояла Англия,
и почти нас ей ничего не оставалось. У нас мог быть плохой командующий морскими
силами мог быть даже предатель, изменник, но тот, кто хочет понять границу
между двумя судами армии и флота, тот поймет, что если территории у нас хоть
какая-нибудь, да ее и пробовади отбавляли и убавляли, а моря - кот наплакал. Всего
у нас в России на нашем пространстве, человеческого материала, грубо говоря,
три четверти, а техника одна четверть. Три четверти человеческого мяса, и
одна четверть - это металл, превращенный в военную технику, а во флоте наоборот,
три четверти машин, металлов, а одна четверть человеческого материала.
Именно в какой-то части сил. Мы слабы по части человеческого мяса, хотя голод-
но, но многочисленного. А по части техники мы слабы. Этих двух причин за-
мечать достаточно, чтобы все остальные причины признать десятистепенными. И
из того, чтобы флот шел, нужен уголь и нефть, без угля и без нефти флота нет,
и нефть, конечно, тоже нужна топка для казарм, для автомобилей, броненков и т.д.
и значение его не так велико. Ну, нет грузовиков, можно на крестьянских теле-
гах, можно пешком, а флот, если нет угля, никуда не может двигаться. Я считаю,
что для флота у нас не хватает трех мелочей. Во 1-й, не хватает воды, во 2-й,
не хватает судов и в третьих топлива. Эти 3 мелочи прибавьте к плохому глав-
нокомандующему. Затем, товарищи, моряки великолепный народ, они великолепно
умеют на суше и доказали это на деле, но они положительно ватравки меня
своими доводами, что их не ценят, плохо строят флот и т.д..

Я говорю, дорогие товарищи, я только что торговался за 10000 пудов угля
Центральном комитете, потому что каждый пуд угля приходится обсуждать в
Центральном комитете. Вы знаете, о чем мы говорили в прошлом году. Мы говорили
о том, что выгоднее, мы серьезным партийным образом обсуждали, что нам выгод-
нее сделать, поставить наши суда на долговременное хранение или утопить, по-
тому что утопить это тоже один из способов хранения, потому что суда можно
поднять. Если нет средств содержания, то лучше утопить, а потом, когда
обогатеем, тогда можно поднять. Пока что кроме тех судов, которые утопили
мы, мы не топим, но достаточно показательно то, что мы такой вопрос обсу-

1. 76

ми. Может быть иногда и стекает, что мы не сумели подобрать командного состава. Раз мы спасались на суше, после того, что пришлось уйти с моря естественно, что лучшие работники брались в армию из моряков и мы забрали их большинство и совершенно обвладели флот. Вот, где корень всего, потому что мы спасались на суше.

Что же это было. Недоглядка. Ошибка, ничего подобного. Были глубочайшие исторические причины и больше того, я вам скажу и с точки зрения международной эта наша слабость в области флота, она овладела по отношению к нам разой между Францией и Англией. Француз и Англия не могли терпеть наших успехов в области флота. Когда мы пустили одну подводную лодку, то Керзон подумал. Нас считали врагом, но врагом признали на суше и они даже дошли в торговых сношениях с нами. При первой нашей попытке в области флота они резко резко отнеслись бы к нам. Вот это нужно учесть. Сейчас положение обстоит: открыть некоторые новые перспективы, некоторые улучшения намечаются в флоте прежде всего угля и нефти. Привлечение иностранного капитала и возрождение металлургии и металлообрабатывающей промышленности связывает с возможностью судостроения. Мы выработываем программу и считаем, что флот имеет будущее и эта программа, разумеется, программа строго оборонительного свойства, подлодки и миные заграждения. Чтобы мы задавались какими-нибудь программами подлодки могущественных линейных кораблей сверх дредноутов - об этом никто думать теперь не станет, но оборонительный флот может проявить себя в мировом шатке и мы будем строить этот флот при наличии необходимых материальных предпосылок, которые пока что только намечаются, создается, но товарищи моряки абсолютно правы, когда указывают на необходимость сохранить живое ядро флота, хотя машина там оставляет 3/4, а человек 1/4, но все же эта одна четверть имеет большое значение. Если мы не сохраним хотя бы небольшое ядро флота, то через 2-3 года мы будем не в состоянии воевать, если у нас даже будет возможность развить флот, то у нас не хватит людей. Поэтому ядро такое сохранить в отборных элементах нужно также как мы подготовляем план к возрождению флота, также нужно подготовить и надежный командный коммунистический состав. Это тоже азбука и опора быть не может. Вопрос только в том, какие меры практические принимать. Из того, что я сказал, ясно, что если бы кто сказал, что надо построить 20 подводных лодок, то я бы сказал: Мидий мой, ты сказал чепуху.

Нам нужна программа не в 20 подлодок, а несколько больше. Сколько мы по-

177

в 1929 г., я не знаю, но в этом году мы не построим ни одной полудки.
самое о командном составе. Скачек к тому положению, когда 100% коммуни-
сты, это есть скачек, который не отвечает действительности. Вот о чем я гово-
рю. У нас в армии 5% коммунистов, особенно после чистки, может быть 6%, а 95%
коммунистов. Тот, кто к этой армии обратится, скажет, что вышло учебное
задание, особенно в вышних будем пускать только коммунистов, тот ничего не
знает, тот не коммунист, тот не полковник, не революционер. Это серьезнейший
вопрос. Обратиться к армии, где 95% не коммунистов и сказать, что мы после
лет власти в стране, пришли к выводу, что мы должны пускать только комму-
нистов, я думаю, что не найдется ни одного человека, который бы поставил вопро-
сы. Это было бы самоубийство. Совсем тут дело не в спичках. Совсем
в этом дело. Вы возвращаетесь к 19 г., когда мы говорили, что не нужно спе-
шь пускать, это детские разговоры, это разговоры 1917 г., а мы находимся в
1921 г. Вопрос совершенно другой. У нас появился новый командный состав,
который прет о клязов - это все не коммунисты, а коммунистов у нас 5%, это все
надежного состава. Мы исключили из партии очень многих, не потому что они
не надежные, а потому что они не партийны. Он будет умирать, иметь орден Красного
Знамени, но партийного воспитания, когда бы мы могли дать ему право входить на
партийную программу, мы не можем ему дать, его нельзя сейчас в партию пустить.
Может быть он через год ператрется и поймет, что партия - это дело серьезное,
но его поставили вне партии не потому, что он не надежен, а потому, что это
связано с нравственными условиями понять тех, которыми ты командуешь. Может
быть это трагический факт толкает его вперед, а не назад. Выше существующий
командный состав не коммунистов мы должны были поставить вне партии. Это показы-
вает, что командный состав есть отражение армии, а армия есть отражение страны.
Сказать, что это армия, а это лаборатория, изготавливающая армию, нельзя.
Сказать, что вот я налью пива, и мы получим коммунистический командный состав.
Вопрос о том у нас спор, что мы должны всеми силами увеличивать коммунистов во-
первых и коммунистических командиров в частности. Спор идет о том, что монополия
формальная привилегия или фактическое преимущество. Когда т.Островский говорил,
немножечко перемудрил... Пусть он меня простит. Кто скажет - "монополия" и
такая аргументация, что у нас диктатура, классовая армия. Тов.Кручинский разве
муд философ и это называл марксизмом. В 1917 г. была такая философия, но это
марксизмом не имеет ничего общего. Это наша собственная отсвятина и в корне
неправильна. 95% не партийных, мы говорим каждому крестьянину, что ты, конечно,

1. 78

можешь ввязать командный пост, ты можешь пойти вверх. Мы говорим по наполеоновски, что каждый красноармеец, каждый новобранец имеет маршальский хвост, а мы говорим, что мы этот хвост даем только коммунистам. Какое это произвело впечатление, стало быть, о монополии не может быть и речи. Стало быть, формальное преимущество коммунистов, или же создание для них благоприятных материальных условий. Скажем мы так, что в академии мы допускаем коммунистов по льготам, а для не коммунистов мы предъявляем повышенное требование. Но есть создание формальной привилегии. Это создание формальной привилегии в отношении, и пока партия меня не оповестит о революционном военном совете, я этого не допущу. При поступлении в высшее военное учебное заведение остается при возможности: создание через коммунистическую партию условий, при которых мы давали бы более высокие возрастания процент коммунистов, т.е. партия через свои организации подготавливает, закрепляет за академией подходящий элемент, создает для них подготовительные курсы, или использует рабфаки. Таким образом своим организационным аппаратом, государственным аппаратом, который находится у нее в руках, она облегчает возможность зачисления в академию. Это именно правильная постановка. Мы перед командирами беспартийными абсолютно честны, мы ворота открыты, и если командир оказал овер преданность, мы можем. Перед сомнительными беспартийными наше положение тоже честно. Это является для всех одинаково. Но коммунисты успешнее подготовятся, потому что у них есть партия. Это не есть привилегия. Партия дает очень много, партия и требует очень многого, но двери академии открыты и для тебя и для него. Означает ли это, что мы в академии допускаем беспартийных такой же процент, как раньше. Ничего подобного. Мы будем относиться с величайшим вниманием, и прежде всего к указаниям мандатной комиссии, будем вносить поправки в тех случаях, когда мандатная комиссия данного учебного заведения не сможет оценить обстоятельства, лежащих вне, будем вносить поправки не в организационном смысле, но в смысле морального воздействия. Это совершенно другая постановка. Конечно, легко говорить с точки зрения фракции учебного заведения, а лицом к лицу перед ротным командиром, который меня спрашивает: а правда ли, т. Троцкий, что вышло постановление беспартийных не принимать. У него орден Красного Знамени, он не пролаза, честный человек. Он спрашивает: а правда ли говорят, что так решено, а мы решаем именно так. На электротехнической академии товарищ так и сказал, это достаточный повод к исключению, это достаточный повод к закрытию дверей. Когда начинается попытка дока-

82

79

ь, что коммунист в качестве командира лучше. Тов. Островский! Начинает об-
ласть вопрос, что лучше: надежность или компетентность. Я спрошу, что луч-
т.Островский. Как написано у другого Островского. Что лучше - ждать и не
ждать, или иметь и потерять. Очень трудно сказать, что лучше. Командир,
который знает военное дело, но не надежен, предаст, погубит. Командир, который
надежен, но ни уха, ни рыла не имеет, тоже погубит. Что же надежнее. Давая-
т.Островский, положим это на чашу весов. На одной стороне я положу надеж-
ность, на другой - компетентность. Я думаю, что весы покачаются, покажутся
уравновешенными. Вы сам, т.Островский, обдумайте и скажете, что и то, и дру-
е одинаково необходимо. Что значит на первом месте. Не надежный командир
будет; некомпетентный командир тоже губит. Стадо быть, нужен надежный и компетент-
ый командир. Если мы оставим на первое место, то сами мы возвращаемся
первоначальному состоянию. Мы еще в 1917 г. говорили, так как такого команди-
ра нельзя принимать и так как он должен быть надежен, а у нас их нет, то мы
начали думать. Ставки этого самого мнения, а справа и слева комиссаров, кото-
ый тогда был чем то другим. В буквальном смысле я помню как в Петро-
граде еще во время I-го наступления Краснова, как там было 4 матроса и мы о-
дним из них приглашали в отдельную комнату, там было 4 матроса и один сол-
дат и мы спрашивали: есть у вас револювер. Есть. Так держи его за пазухой и
и спускай с него глаз. Тут была комбинация и компетентность. У Муравьева бы-
ла компетентность, а у матроса за пазухой была надежность. А все дальнейшее,
т.е., так же развивалось, что мы предлагали все ошны, чтобы создать команди-
ра и компетентных и надежных. Фигурально это очень просто, а практически
очень трудно. Мы предавали нас командиры, как предатели и предавали нас
командиры неучи. И сколько у нас было случаев, когда великолепнейший комму-
нист, преданный, который, пока дело шло о беспартийных, он проявлял храб-
рость, вал за собой и т.д., а когда оказывался начальником движения, то со-
вершал ужаснейшие вещи, которые стоили нам очень дорого. И вся первая война
стоит из величайших ошибок одних по предательству других, других по неуме-
нию. А в чем же тут дело. Дело в том, что верхний командный состав, вся воен-
ная наша советская аристократия, которая здесь представляется аристократией в
смысле знания умственных, военная аристократия, она не создается искусствен-
но лабораторно, она вырастает на почве самой армии и флота. Конечно, можно
искусственно создать несколько это содействием партии, при ее помощи, но искусственно
создать академиков военных или морских задача безнадежная. Вот почему когда

117
84

180

и некоторых товарищей одергивал за фалды, я вовсе не говорил, что нам не
 нужно коммунистов и когда тут некоторые раз'ясняли, что коммунисты имеют
 преимущество, я говорил, что мы идем по одной линии с вами, но в морской
 академии вы хотите сделать слишком быстрый скачек от I до 100. Если вы хо-
 тите сохранить во флоте те жалкие остатки, которые у нас есть, нельзя та-
 ким образом вместе помехом то, без чего нельзя обойтись. И когда здесь
 т.Кручининский говорил, что посадили предателей, а я их хочу вернуть в
 академию, что, дескать, их арестовали, а Троцкий хочет вернуть в академию,
 то это дело вовсе не так просто. Этот вопрос у нас разбирался в комитете
 партии. Была создана комиссия под председательством т.Курского, который не
 моряк, он у нас народный комиссар юстиции, старый партийный работник, во
 участии моряков, чтобы те ~~примарные аресты~~, где много было ошибок, их пе-
 реосмотреть и этих арестованных ~~подавляющее большинство~~ уже освободить. Не-
 которая часть, юнкера работа еще не закончена, ~~посылается в Петроград и по-~~
~~видному некоторая часть возвращается будет в академию.~~ И комиссар академии
 и ячейки еще раз могут в ЦК войти с указанием на отдельных лиц, что это ошиб-
 ка, могут сказать, что здесь могла быть ошибка и если доводы будут убедитель-
 ны, то на этом настаивать никто не будет. Вот о чем я говорил в смысле тор-
 говки, это слово по существу неподходящее, а просто, посоветуемая с вами, а
 рассматривает это комиссия ЦК многолюдная и компетентная. Вот как обсто-
 ит дело, и разумеется, с участием чекистов, которые отнюдь не заинтересованы,
 чтобы пускать в морское ведомство наших врагов и т.д. Я говорил также о мест-
 ничестве и о связи с этим вопросом и я должен сказать, что в возражениях неко-
 торых товарищей мне, здесь даже т.Островский пытался дать обоснование этому
 местничеству, как выражению буржуазной ^{диктатуры} литературы, а это местничество мож. яв-
 ляется отражением диктатуры рабочего класса и я бы мог пойти на это, если бы
 имел диктатуру коммунистическую неким рабочим классом да еще в стране,
 где в большинстве рабочий класс был бы неоспарным хозяином положения. Но
 вся суть в том, что господство коммунистической партии время от времени
 оспаривается и оспаривается оно в двух случаях. Мы можем даже несколько ва-
 риантов представить, каким образом коммунистическая партия, если бы потеря-
 ла в драматич. смысле, могла бы себя погубить. В первом случае, если бы она в
 свои ряды допустила товарищей, как напр., в Кронштадте, где был непартийный
 командный состав, а мы забыли, что там было несколько сот коммунистов, уча-
 ствававших в войне против нас. С одной стороны эти беспартийные генералы,
 морские или сухопутные, а с другой стороны эта опасность произошла в партии

112
л. 81

и приняла облик матроса и нам потом пришлось расстреливать их. Одна опасность в ходе продвижения проникновения в партию чуждых нам элементов. Вот почему партия надо действовать посредством формальных оснований, потому что она этим только толкает людей к перекрашиванию, а вторая опасность, что партия недопускает этих элементов, исключает их, очищает себя от них, но остается замкнутой и мало связанной с остальными и требует для себя таких формальных привилегий в важнейших областях, что она толкает беспартийных к тому, чтобы они не тулились в партии, а создавали что-то против партии и в этом опасность. Другими словами, наша политическая стратегия не может быть прямолинейной, т.е. скомандованной в коммунистических позициях высших учебных заведений и дело решенное. Она должна быть маневренной. Наша политическая стратегия должна быть маневренной, т.е. мы открываем двери беспартийным в высшие учебные заведения, но в армии 95% беспартийных. И мы говорим красноармейцу: двигай штык вверх. И вместе с тем через партию мы создаем исключительные преимущества для коммунистов, отбор, агитацию, привлечение и т.д. Если мы видим, что теперь в феврале этого года, или в конце прошлого года, когда из-за развертки и пр. настроение в армии было плохое через ворота през беспартийный, враждебный нам, мы говорим, что у ворот мы поставим швейцара коммуниста построже и он не будет пропускать. Каким путем. Пусть это называется мандатной комиссией или сверхкомиссар и т.д. Затем мы видим, настроение стало лучше в армии. У нас на учете есть еще большое количество беспартийных, но мы говорим: отодвиньте дверь на 2 вершка. Это еще не значит, распахните дверь перед беспартийными. Если настроение ухудшится, мы говорим: подтяните на полтора вершка. В этом состоит маневрирование. Конечно, это маневрирование, к которому относятся некоторые с презрением, как напр., т. Кручинский. Нет, это не коммунистическая политика. Нужно знать, когда эту дверь открыть наполовину, или когда ее совсем захлопнуть, или совсем ^{от}закрывать. В этом состоит искусство стратегии, к которому вынужден авангард рабочего класса, составляющего меньшинство рабочего класса в крестьянской стране. В этом суть стратегии и это целиком применимо к высшим в.-уч. заведениям и у нас спор может быть на полвершка или на 7 вершков, т.е. практический спор, кого пропускать, кого не пропускать. А переходить на эту почву вопрос о диктатуре, это пустяки, потому что, кто решает будет ли это вершок или больше, это решает партия. Вот где диктатура. Партия решает, в какой степени, куда и как пропустить беспартийных. Этим она сохраняет все в своих руках, в этом состоит диктатура. Это и по другим вопросам приходилось не раз высказывать в послед-

ное время. Сейчас по поводу нашей политики говорят все мажорские междуна-
 родные шейдемановцы: что вы делаете, вы допускаете компромиссы, вы допускаете
 свободную торговлю, вот это соглашательская реформистская политика. Это
 есть политика компромисса и даже политика соглашений в значительных размерах.
 И чем же вы бражки власть. Ведь мы в Германии заключаем тоже компромиссные
 соглашения с буржуазией, а вы у себя заключили то же самое. Стоило ли брать
 власть. Подумайте, т.т., стоило или не стоило. На это мы отвечаем: уважаемые
 т.т. шейдемановцы. У вас решает буржуазия до какого предела идти на уступки
 рабочему классу. Вот до сих пор соглашения, а дальше - пулемет. А у нас мы ре-
 шаем до каких пределов идти на соглашение с вами; до сих пор соглашения, а
 дальше пулемет. Вот в чем разница, что пулемет у нас в руках, армия у нас в
 их. Мы идем на соглашение с беспартийными, у нас одно на соглашение, с кре-
 стьянином другое, с мелким торговцем третье, с крупным торговцем у нас тоже
 соглашение, это все разные соглашения, разные сделки, а ключ у кого в руках,
 у нас. Кто решает дело, до каких пор соглашения. Вот в чем вопрос. Если бы
 не было этих соглашений мы давно ^{пропали бы} пропали бы, а мы держимся, - вот видите,
 как далеко заводит нас вопрос, можно ли допускать беспартийных в академию.
 Это не моя вина, это вина тех товарищей, которые поставили этот вопрос. Т.
 Кручинский попытался еще по другой линии сделать обходное движение, что бу-
 дем, мол, договариваться уже до конца, так как я боюсь, что те предрассудки о
 сверхчуждом марксизме, которые у нас невозможно переформировать на военной
 и которые похожи немножко на немецкий синдикализм, немножко на тех левых,
 которые были у нас на сцене, они могут большую смуту внести. Они великом
 шут против линии нашей партии. Т. Кручинский говорит, что я испугался красно-
 го империализма. Он говорит, что я, дескать, на полонку признаю наступатель-
 ную революционную войну, но боюсь об этом сказать. Тогда как т. Кручинский
 договаривается до конца и говорит - наступательная революционная война так и
 повороте, а не водите нас вокруг и около. В этом вопросе есть две стороны.
 Одна сторона принципиальная, а другая агитационная. Это вопрос очень важный,
 этому вопросу я посвящаю большую статью, которая выйдет в ближайшем № "Комму-
 нистическое интернационала" и в нашем военном журнале. Но я здесь, в связи
 с тем, что говорит т. Кручинский, хочу сказать, что у нас в этом вопросе есть
 две стороны: одна сторона принципиально политическая, а другая агитационно по-
 литическая. Теоретически принципиальная сторона состоит в том, считаем ли мы
 возможным с одной стороны принципиально допустимым, а с другой исторически
 неизбежным наступательную революционную войну. Безусловно, мы об этом говорим -

на 20 лет тому назад еще до первой революции, у нас это было азбучно и
 Парк нас учил, когда революционный класс берет в свои руки армию, он поль-
 зуются ей для упрочения революции, и где можно наступают. Буржуазия должна
 быть овергнута во всем свете и безусловно одним из оружий ее овержения должна
 быть красная армия. Безусловно, ивергнуть буржуазию можно тем, чтобы наве-
 на ей наступательный толчок, Армии будет в этом участвовать, надеюсь, что и
 красная армия будет в этом участвовать. Конечно. Так что принципиальный во-
 прос о том, нужно ли быть армии готовой или способной в известных случаях
 превращенной наступательной войне этого вопроса для нас нет. На 3-м кон-
 грессе в Италии некоторые говорили, что они стоят на революционной офензиву.
 Эти говорили там не о стратегии красной армии, а о стратегии пролетарского
 класса в Германии. Они говорили, что мы стоим на революционную офензиву.
 Другие говорили, что буржуазия может быть ивергнута только восстанием. Об
 этом не может быть спора, но отсюда вытекает, когда восставать. И третий кон-
 гресс сказал, что наш период теперешний не есть период штурма рабочего клас-
 са на буржуазию, в международном масштабе, а есть период прогисадиотской под-
 готовки этого штурма. Спор шел такой: международная революционная офензива
 не международная подготовка офензивы. Конечно, можно было помахать руками и
 сказать: мы против революционной офензивы. Наш русская партия надевалась на
 то, что мы, ребята только впервые узнали о революционной офензиве и тичете
 и вопду или тичетесь сами, как ослепые котята по все углы. Так мы отвечали и
 мы абсолютно правы. И они очень хороший урок для себя извлекли? Сейчас они
 зрительную рубашку одевают на себя в Германии за последние полгода. Говорят
 программа подготовки, требует подготовки к инотупенским, а ватра они переф-
 лт в офензиву и сокручат германскую буржуазию. Если мы перемки в обстановку
 подготовки, а не в обстановку штурма, то какой отсюда вывод для красной армии.
 Штурм теперь в этот период это значило бы, что мы хотим на красную армию ове-
 нить непосильную задачу. Стало быть, мы говорили русскому рабочему классу,
 международный конгресс признал, что в эту эпоху околько она будет длиться не
 над, но сейчас находимся в подготовительной активно-выжидательной эпохе. Мы
 мы говорили русскому рабочему, что сейчас нам нужно переходить, что сейчас у
 не передышка, что мы не берем на себя задачу идти на Берлин и Париж в то вре-
 мя, как мы рабочие в Германии и фракция говорим - у нас подготовительные зада-
 чи и вот почему я считаю, что в превосходной книге тов. Тулячевского есть оми-
 нтный момент - это когда он пишет.../пропуск/

Международный генеральный штаб. Это что такое. Коммунистический интернацио-

184

ид. Что это такое? Коммунистический интернационал это есть идейная организа-
ция объединение национальных коммунистических партий или национальных секций.
Это есть коммунистический интернационал. С какого времени он стал возмож-
ным - с того времени, как кроме русской коммунистической партии появилась
германская коммунистическая партия и др. Ну а генеральный штаб, когда возмо-
жен. Он возможен тогда, когда кроме русской пролетарской власти появятся еще
и другие. Только с того времени можно говорить серьезно о генеральном штабе
в военном смысле слова. Что такое военное дело. Что такое признание царских дол-
гов. Это штурм, это элементы штурма. Ведь политика связана со стратегией. Ес-
ли мы переходим к штурму, то мы не можем признавать царские долги. Концессии,
уступки крестьянству, признание царских долгов, а кроме того наступательная
война - это курам на смех, это, я вам говорю по секрету, об этом нельзя го-
ворить серьезно. Война есть продолжение политики другими средствами, говорит
старик Клаузевиц, а старик Клаузевиц очень умный человек. Цель и методы те же,
средства другие. Средства - штык, винтовка - это средства, а метод, конеч-
но, лучше наступательный со штыком, но мы говорим, что сейчас обороняются,
я пробовал и вылазку сделать на Вироупу в походе на Варшаву, но не вышло. По-
тому? Потому что революция не созрела. Не потому, что была ошибка, а потому, что
революция в Польше не созрела. В Италии революция созрела, в Германии
подготовительный период не завершился. Наше движение оказалось изолированным
и мы отступились. С этого момента начинается отступление оборонительное. От-
ступление тоже может быть маневренным. Это очень хорошо сказано в книге тов.
Тухачевского. Тухачевский показал, что в маневренной войне оборона приобретает
наступательный характер и отступление есть перемена места в маневренной войне. Ра-
зулать военное отступление на под Варшавы являлось политическое отступление.
Что такое рижский договор, за который мы сейчас расплачиваемся, мы идем на-
зад, осторожно в обе стороны, не давая врагу ни одной лишней позиции. Отступа-
ем назад и говорим - так как мы Марксисты, то мы в теории за наступательное
движение. Повторю, это курам на смех. Вот, что значит договариваться до конца.
Принципиально мы за наступательную войну. Разумеется, чуть-чуть обстановка
переменится и мы перейдем к наступлению. Марко учил давно, что нужно во время
наступать и во время отступать. В этом состоит маневренная стратегия. Если я
иду прямо, то это не будет маневр. Маневренная стратегия состоит в том, что
там, где нужно наступать, где нужно отступать и где нужно комбинировать наступле-
ние с отступлением так, чтобы где нужно как можно лучше дать удар. Так и в
нашей революционной политике в общем и целом. Теперь, когда я анализировал

1. 85

механизма, я говорю, что сейчас период подготовительный в Германии и Польше. У нас подготовка в чем - в том, что мы приводим в порядок армию и создаем некоторые званы, стараемся поднять выше учебные заведения и развернуть школу командного состава. Готовимся путем уступок крестьянству, чтобы получить большую передышку. В Германии подготовительный период, в Польше рост коммунистической партии, на выборах в польской партии коммунистическая партия получила больше, чем партия Пилсудского П.П.С. и это признак исключительной важности. Анализируя назревающие события, мы говорим, что примерно к весне, ^{быть} конечно может срок будет больший, но готовиться нужно всегда на более короткий срок и мы говорим, что в событиях назревает кризис, но этот кризис в том, что Польша станет невыгодна и она начнет нападать на нас, но перелом в сознании есть или нет. Здесь мы подходим с точки зрения политико-агитационной. Что мы сейчас делаем. Мы ведем демобилизацию. Я удивляюсь, как товарищи не связывают конца концов этого. Мы демобилизовали отпустили на два 12-й возраст и собираемся отпустить 14-й в бессрочный отпуск. Это называется демобилизация. Когда страна готовится к наступательной войне, как можно демобилизовать и говорить о наступательной революционной войне. Или у нас так подешакали все революционные слова или мы действительно как поколение разошлись и разное называем разные слова. Как можно не называть Реввоенсовет, республики и ЦК партии предателями, если мы демобилизуем, когда готовимся к наступательной войне. Мы демобилизуем потому, что не собираемся сейчас воевать, потому что мы не можем содержать такую армию. Так мы и говорим рабочим и крестьянам, что войны сейчас нет, фронта нет, нападать мы не собираемся, поэтому мы демобилизуем.

А почему оставляем 900 и 901-й год. На этот вопрос мы говорим, что опасность не прошла и отныне, оккупация армии нужно иметь, чтобы можно было ей повлиять в случае опасности. Или у нас есть какое то особенное учение для себя, особенное для народа. Что означает демобилизация, подготовку к войне или то, что мы хотим перейти к мирному труду. Я утверждаю, что с точки зрения агитационно-политической мы должны объяснить красноармейцам, что опасность не прошла, потому что мы все-таки в капиталистическом окружении, но сейчас на нас не нападут, а мы нападать не собираемся и можно только в виде прогноза говорить о том, что мы говорим. А как можно говорить о наступательной войне. Я указываю тов. Н. обираясь над этим издеваться. Если бы красная армия в ее нынешнем составе могла играть роль в международной революционной политике и от обороны переходить в наступление, то мы должны из нашего оборо-

1. 88

итаким положении выжать все ресурсы, т.е. чтобы вся армия, мужицкая армия, почувствовала, что дело идет о крестьянской и рабочей власти, что нет никакого отступления, что никакие одги не помогают. Только в этом случае при нашем тяжелом крестьянском арьергарде мы сможем перейти от отступления к наступлению при условии революционной активности европейского рабочего класса. Я утверждал, что это есть точка зрения нашей партии сначала до конца, а то, что тут докладывали под видом революционной доктрины, это есть моретическая ошибка. Если мы с этим пойдем к массе, то масса не поймет и эти обстоятельства, которая необходима нам не получим. В этом существо дела. По другому вопросу я себе сделал ряд заметок относительно постановки академики. Ярко намочил себе на ус, что тут дело еще хуже, чем я полагал. Хотя дожи сказать, что Реввоенсовет отучаю десятки раз во всякие учреждения, но мне трудно что-нибудь сделать. Что касается Петроградской академики, то звоню Петроградский Исполком и скажите - вот помогите дровами. Тут вероятно сейчас же начнется сошка, что партийная школа без дров, медицинский факультет без дров и т.д. Я в таком положении нахожусь и в Совнарком и в ЦК партии. Тем не менее, именно вам, имея эти перспективы, которые к весне могут простраться, вам нужна подготовка во что бы то ни стало и тут мне приходит в голову, что я говорил, что партия призывает многих из нас. Что это означает Мв.Островский. Это означает, что некоторым значение придается надежности, потому что если даже недоучившихся будем принимать, значит некоторое значение придается надежности и она больше чем раньше и здесь уже, мы должны выйти из тяжелых испытаний. Хотя враг серьезнее, чем был до сих пор, но у некоторых пварией есть такие настроения, которые говорят, что ничего, говорят, ничего, маваемся брехом, животом, навадимся и как-нибудь победим, т.е. опять мобилируем несколько тысяч коммунистов, бросим туда. Это завкавка хорошая, мобилируем 8 человек на одну винтовку и победим. Так и было, если взять запасные части фронтные и центральные, то в резерве у нас приходилось одна винтовка на 8-х человек. Но товарищи говорят, как-нибудь задушим. Это не совсем верно. По отношению к Денижину и Колчаку это верно, по отношению к Польше это оказывается неверным. Видя споры по деле второго отступления продолжать войну или заключить мир. Я был за то, чтобы заключить мир, так как сомневался, имеем ли мы право наступать на Варшаву при таких условиях, но тогда была оценка оптимистическая, как относился рабочий класс в Польше. С точки зрения микрополитической, угадать было трудно, в конце концов было решено наступать. Сорвали, но после того, как нас отбили, для меня было ясно, что с армией такого

состава, который был при отступлении, мы воювать не можем и что попытка
взять дыры коммунистами, это значит уничтожать коммунистов напрасно, а
в Варшаву не добдем. Армия польская более квалифицированная армия, и адеоз
была наилучшая тщательность подготовки насколько она нам доступна. Неко-
торые товарищи думают, что армию нужно готовить к наступлению или к
обороне. Армия готовится к борьбе, к бою, к войне и в нее входит и на-
ступление и оборона. Методы годятся и для отступления и для наступления,
методы годятся и для отступления и для наступления, руки годятся для уда-
ры при наступлении и отступлении. Часть, которая выходит с винтовкой, должна
иметь практическое обучение, чтобы она могла пользоваться своим вооруже-

нием и при наступлении и при отступлении.
Армия не навешивает на наступление, армия обучает бой для того, чтобы
она побеждала при помощи обороны и наступления. Это, авбука. Но чего нашей
армии не хватает. Это воюса, товарищи, не наступательного под"ема, а линии
интервалов. Чего ей не хватает. - Это именно точности, детальности в испол-
нении. У нас любятся того, чтобы во время совпадали некоторые действия,
одновременная подготовка, чтобы человек пришел к телефону и позвонил в тот час,
как сказано и чтобы тот ожидал в этот именно час его у телефона для получе-
ния поручения и чтобы послал верхнего сейчас же, а верхний передал кому
нужно. Это труднейшая задача и к этому мы отработали. На этого состоит война,
на этого состоит операция. Конечно нужен под"ем ситуации. У нас есть пар-
тийная рабочая молодежь, мы это не раз обеспечивали. Приходится часто спра-
шивать у командира полка, а где лошади. Он говорит: подойдет к вечеру. Спро-
сить у начальника артиллерии, он отвечает тоже, что "подойдет к вечеру", а
там окажется, как небрежно принимается распоряжение. Большинство из нас
знает, что именно на этом мы срываемся. При неудаче виноватого нет, потому
что обидно на другое пишется, маленькая неряшливость, маленькая неточность,
какое-то случается провал, где-то несколько тысяч человек, а виноватого
нет. Почему? Потому что мы находимся в недостаточности нашего уровня воспри-
ятия в смысле точности. Тов. Кручинский говорил, что читал мою телефонограм-
му. И с этой конференции уйду с убеждением, что обидки полетов много у
нас много. Это подат много общереволюционный. У партии задача огромнейшая,
а в этой стороне дела не гонятся, чтобы, скажем, по телефону передать,
чтобы так приняты и дошло до назначения. Я был на правобережье на маневрах.
Там ни один приказ не дошел, потому что послали на мотоцикле, а забыли, что
мотоцикл советский с прорезкой, забыли об этом, а приказ не дошел, а если до-

н. 88

и, то там не приехали, или маленькая пероврада, а все это вместе даст новое направление.

Военные операции - это есть сочетание мальчишеских действий, которые должны совпадать и дать необходимый результат. Отсутствие у нас этой точности не есть случайность, а есть наследие прошлого рабства, темноты, отсутствия культуры. Возьмите наши дороги, российские просадки, разве можно считать точность. Спросите у крестьян, сколько верст. Он скажет: 4 версты, скажется 12, а у нас в Омбири, где шарка баба клякой, да махнула рукой. Спросите у крестьянина: околько дойти до села. Он скажет: за полчаса дойти, а пройдет полтора часа. Это объясняется отсутствием воспитания в точности, отсутствием понятия времени и места. Это время и место необходимо войне. Необходимо эта придирчивость в мелочах и нет военного воспитания вообще. Бесточности... Вот почему я придаю такое большое значение мелочам. Нет, что нет лампочек, нет 100% продовольствия. Это мелочи, а без них вы не можете учиться, без них не будете готовы, отчего пострадает партия. Поэтому, обещаю успеха в размере 100%, я обещаю энергию в размере 100% для того, чтобы по возможности все эти прорехи удовлетворить. /Аплодисменты/.